

The background of the cover is a vibrant yellow, overlaid with a pattern of stylized, dark grey leaves. The leaves are rendered in a halftone or stippled style, giving them a textured appearance. The leaves are scattered across the page, with some larger and more prominent than others, creating a sense of depth and movement.

лейко
рандт

аллегро
пастель

РОМАН

Лейф Рандт

Аллегро пастель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66564360

Аллегро пастель:

ISBN 978-5-91103-592-1

Аннотация

В Германии стоит аномально жаркая весна 2018 года. Тане Арнхайм – главной героине новой книги Лейфа Рандта (род. 1983) – через несколько недель исполняется тридцать лет. Ее дебютный роман стал культовым; она смотрит в окно на берлинский парк «Заячья пустошь» и ждет огненных идей для новой книги. Ее друг, успешный веб-дизайнер Жером Даймлер, живет в Майнтале под Франкфуртом в родительском бунгало и старается осознать свою жизнь как духовный путь. Их дистанционные отношения кажутся безупречными. С помощью слов и изображений они поддерживают постоянную связь и по выходным иногда навещают друг друга в своих разных мирах. Бег трусцой в заповеднике, медитация в провинциальном Майнтале, активное общение и сексуально-ориентированные похождения в Берлине... Жером и Таня открыты друг другу, и в то же время каждый из них остается собой. Они кажутся защищенными от страданий, в которых признаются их родители, друзья и подруги. Однако стремление удержать связь, свободную от боли и скуки, становится для них серьезным испытанием.

Содержание

первая фаза	5
1	5
2	22
3	42
4	56
5	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Лейф Рандт

Аллегро пастель

«Фантастическое помещение для секса» – это была на самом деле шутка, я помню об этом, хотя теперь воспоминания трансформировались и мне кажется, что я сказал почти правду.

Вим Эндерсон¹

Некоторые духовные учения говорят, что всякая боль в конечном счёте – иллюзия, и это правда.

Экхарт Толле

*Упреждающая меланхолия –
– самое лучшее состояние!*

Таня Арнхайм

¹ Вим Эндерсон – главный герой романа Лейфа Рандта «Призрачный блеск над Коби-Каунти (Schimmernder Dunst über CobyCounty, 2011). – Здесь и ниже – примечания переводчика.

первая фаза

1

29 марта 2018 года. Чистый четверг. Мягкий свет вечернего солнца заполнил франкфуртский вокзал; на платформе у девятого пути пассажиры отбрасывали длинные тени. Ровно в 18:30, минута в минуту, Таня Арнхайм прибыла из Берлина на поезде ICE 375. Жером Даймлер, с пакетом свежей выпечки в руке, увидел Таню выходящей из вагона-ресторана и на мгновение задумался, нужно ли поспешить ей навстречу, но решил, что остаться на месте элегантнее. Таня, с аккуратно уложенными волосами и в наушниках, покатила свой чемодан по направлению к Жерому, но пока не замечала его. Жером невольно улыбнулся, а когда Таня наконец заметила его сквозь поток пассажиров, она тоже просияла, и ее улыбка взволновала Жерома: Таня Арнхайм не отличалась оживленной мимикой, а тут вдруг – блеск глаз и идеальные зубы. Таня сняла наушники, и они поцеловались.

«Ну как дела, ты проголодалась?» В принципе, это был лишний вопрос, потому что Таня почти всегда хотела есть, а после четырехчасовой поездки тем более.

«Я долго сидела в вагоне-ресторане, маульташены² были вполне ничего». Они снова поцеловались.

«Поедем сразу домой? Или сначала где-нибудь выпьем?» Жером подмигнул. Таня подмигнула в ответ.

«Давай выпьем дома».

Держась за руки, они пошли к метро. Раньше Жером в многолюдных местах редко решался ходить с подружкой за руку. Рядом с Таней это перестало казаться ему странным. Перед лотком со свежавыжатыми соками образовалась небольшая очередь; даже у огромного газетного киоска рядом с «Бургер Кингом» до сих пор имелись покупатели, приобретающие глянцевые журналы.

В свой последний приезд Таня говорила, что ей больше нравится отправлять фото и видео с периферии, чем из столицы, которую и так все знают. В связи с работой она часто ездила на поездах по Германии, Австрии и Швейцарии и хотя бы раз в год старалась совершить дальнее путешествие. Еще она в тот раз высказала мнение, что многие люди недостаточно реализуют свой потенциал из-за того, что слишком редко покидают свой микрокосмос. Жером согласился с Таней.

В прилично заполненном вагоне четвертой линии метро

² Маульташены (Maultaschen) – традиционное немецкое блюдо типа пельменей, особенно популярное на Пасху.

они сидели и целовались с закрытыми глазами. Жером ощутил себя в роли суперсчастливого гетеросексуального любовника. На мгновение он сделал линию четыре, конечная станция «Энкхайм», сценой своего тщеславия, но тут же забыл о мире вокруг. Во время паузы между поцелуями он размашистым жестом обнял Таню за ее довольно широкие плечи и изобразил на лице легкую улыбку. Он заметил, что не полностью контролирует свою мимику, и счел это добрым знаком. Жерому нравилось думать, что сейчас, в вагоне метро, ему было бы противно смотреть на себя со стороны. Наслаждаться мыслью, которая мучила бы других, – это было характерно для нового Жерома, научившегося легко различать свою внутреннюю личность, знакомую только ему самому, и внешнюю, складывающуюся из домыслов окружающих. Примерное представление о своей внешней личности он получал, глядя на свои фотографии или в зеркало: там он автоматически присоединялся к взглядам, предположениям и ассоциациям других людей. А внутреннюю личность он лучше всего чувствовал, когда раз в день закрывал глаза и делал вид, что медитирует. За последние одиннадцать месяцев он ни разу не достиг состояния, которое он сам мог бы назвать *классически медитативным*, потому что он совсем не старался остановить поток мыслей, но тем не менее Жером считал эти попытки медитации важными. Он полагал, что голос, который в эти моменты говорит в нем и напоминает голосовую программу его ноутбука, – это голос его

внутренней личности. С тех пор как Жером стал слышать этот голос, он перестал обращать внимание на взгляды посторонних людей, и теперь ничто не мешало ему периодически надевать такие экстравагантные аксессуары, как, например, оранжевые солнечные очки Oakley 1999 года, в которых он ходил в позапрошлую пятницу.

Жерома удивило, как мало пассажиров метро смотрели в свои телефоны. Одна совсем юная девушка пристально глядела на Таню. Девушка была очень качественно накрашена. «Наверное, она подписана на тебя в Инсте?» – прошептал Жером. Но Таня умела правильно интерпретировать интерес посторонних людей. «Ей просто нравятся мои кроссовки», – ответила она. После того как три с половиной года назад у Тани вышел короткий роман «Паноптикум 2.0», некоторые любители литературы узнавали ее в лицо. В книге рассказывалось о четырех друзьях и об их экзистенциальном опыте виртуальной реальности, который они получили в заброшенном сельском интернате; потом Таню даже пригласили на ток-шоу Маркуса Ланца в качестве экспертки по VR. Таня с благодарностью приняла это приглашение, хотя сочла его недоразумением и в ходе шоу подчеркнула, что знает о виртуальной реальности не больше любого человека, погуглившего на эту тему. Кто-то счел такую ее позицию высокомерным кокетством, а кто-то – удивительной искренностью. Лиам, главный герой мини-романа, разработал специальную VR для достижения состояния осознанности; с помо-

щью этой VR его друзья почти обуздали свою потребность в сексуальном самоутверждении, но потом ревнивый экс-бойфренд одного из них взломал систему и спровоцировал конфликты между героями. Жером часто смеялся во время чтения. Многочисленные рецензии на книгу он прочитал уже после того, как познакомился с Таней. Очевидно, что самые разные люди нашли в «Паноптикуме 2.0» что-то свое. Некоторые фанаты даже утверждали, что эта книга изменила их. А те, кому роман не нравился, как будто испытывали болезненную гордость: ведь им не нравилась книга, столь важная для других, и это вселяло в них чувство злорадного превосходства. Две авторки в своих статьях критиковали Таню за то, что она пишет о мужчинах, хотя сама является женщиной. А в эссе одного аспиранта было написано, что Таня Арнхайм, черты лица которой часто называют *изысканными*, стала иконой для образованных геев от двадцати до сорока пяти.

Жером припарковал арендованную новенькую «Теслу» у станции метро «Крупштрассе», недалеко от ТЦ «Гессен» – большого крытого молла на краю города, с которым у Жерома была связана масса детских воспоминаний, в основном положительных. В начале каникул он с мамой часто ходил сюда в китайский ресторан, который уже давно прекратил свое существование. Свой последний ланч в этом полутемном ресторане с аквариумом Жером датировал 2004

годом. Это было заведение совсем из другой эпохи, но Жером сохранил о нем живейшие воспоминания. В последний Танин приезд он прошелся с ней по ТЦ «Гессен» и рассказал ей, как этот молл поменялся и какие выводы можно сделать по этим переменам об общих потребительских тенденциях. В девяностые годы посещение пригородного молла было популярным досугом зажиточных горожан, и в «Гессене» имелись даже дорогие бутики и рестораны, в которых люди охотно задерживались больше чем на полчаса. Во время своего монолога Жером так мечтательно произносил «утка в кисло-сладком соусе», словно испытывал жгучую ностальгию. Он сам отметил, что иногда рассказывает вещи, вряд ли интересные Тане. Таня сказала, что именно это его качество она очень ценит, ведь так мало людей делятся своими подлинными воспоминаниями, в которых обычно мало интересного, – в этом она видела структурную проблему, тесно связанную с глобальной экономикой. «Но у моего бойфренда Жерома Даймлера явно есть иммунитет к таким проблемам», – сказала она тогда в ТЦ «Гессен» и улыбнулась Жерому. У Жерома от этих слов сладко засосало под ложечкой, и он поцеловал Таню в губы.

На самом деле Жером никогда не чувствовал в себе никакого иммунитета. Мир вокруг постоянно занимал его внимание. Причем в нулевые годы, в возрасте примерно с двадцати до двадцати пяти лет, общество напрягало его сильнее, чем сейчас. Раньше, когда он видел ссору матери и ребенка, он

сначала ставил себя на место ребенка, а потом думал, что бы сказал на месте матери. Обе позиции казались ему неприятными. Теперь же ссоры мам с детьми не вызывали у Жерома никаких мыслей. Он спокойно сохранял дистанцию по отношению к внешним явлениям, не утрачивая при этом эмпатии; теперь ему было даже легче понимать проблемы других, он стал честнее и добрее, но прекратил страдать от погружения в чужие роли. Его качество жизни улучшилось, и он вспоминал об этом всякий раз, когда рисковал скатиться в ностальгию. А ностальгия – это всего лишь пассивный рефлекс, вызванный дефицитом идей, – так однажды сформулировала его мать, по-английски и более десяти лет назад.

Жером хотел бы знать, сколько всего машин «Тесла» колесит по Рейнско-Майнской области, но специально он этим вопросом никогда не занимался, потому что его интерес был не настолько велик. В прокате электромобилей «Йенни Кёлер», новом заведении на Ханауском шоссе, ему уже выдали карточку постоянного клиента, хотя он взял у них машину всего в третий раз. Над парковкой здесь по американскому образцу висели разноцветные флажки, а работали в автопрокате исключительно девушки в свободных, запачканных маслом комбинезонах. В «Тесле» на зеркале заднего вида висело зеленое деревце-ароматизатор, украшенное вычурной и размашистой подписью Йенни Кёлер. Жерому даже не пришло в голову снять это деревце с зеркала. Он любил пользо-

ваться вещами точно по их назначению. Еще он всегда любил снимать квартиры с мебелью и посещать рестораны с коротким меню на каждый день. Долгое время Жером ошибочно принимал эту свою склонность за скромность, но на самом деле она была связана с его стремлением к порядку и структурированию, которое в какой-то мере и породило его интерес к дизайну. Желание придавать форму Жером считал связанным с потребностью упорядочивать. А когда ты ничего не можешь упорядочить, потому что всё и так ясно, ты испытываешь громадное облегчение. Большинство своих качеств Жером легко мог бы вывести из своей биографии, – например, в детстве он любил раскладывать игрушки рядами на ковре, – но он не был сторонником классических подходов в психологии. Факты таковы: Жером Даймлер, независимый веб-дизайнер, родился в ноябре 1982 года в госпитале Святого Духа во Франкфурте-на-Майне, вырос в Майнтале³, учился в университетах Дюссельдорфа и Гааги, начал работать по специальности в Оффенбахе⁴, сейчас снова проживает в Майнтале.

Короткая поездка по шоссе А66 прошла без происшествий. Запах в серо-черном салоне «Теслы» был таким же, как во всех новых автомобилях. Таня через блютуз подклю-

³ Майнталь (Maintal) – небольшой город в федеральной земле Гессен, входящий в агломерацию Франкфурта-на-Майне.

⁴ Оффенбах (Offenbach) – город в федеральной земле Гессен, непосредственно примыкающий к Франкфурту-на-Майне и составляющий с ним единую агломерацию.

чила свой телефон к аудиосистеме и поставила свой плейлист недели со Spotify, который, как обычно, понравился Жерому вопреки его ожиданиям. «Хороший трек, – прокомментировал он меланхоличную песню, – это же Блейди». Таня проверила. «Да. Трек называется „Numb / Beverly Hills“».

Таня сидела спереди, рядом с Жеромом; теперь она изучала статью в «Википедии» о Блейди. «Швед, родился в 1994-м. В основном классные постановочные фото или, наоборот, спонтанные. Симпатичный». Как-то в разговоре с Таней Жером упоминал, что музыка совсем молодых обычно дает ему больше, чем музыка его ровесников и тех, кто старше. «Я рада, что теперь опять так поздно темнеет», – произнесла Таня. Жером знал, что она сказала это не для поддержания разговора, а потому, что действительно почувствовала радость. Жером очень ценил в ней эту готовность делиться самыми обычными мыслями.

Посторонние часто подозревали, что она испытывает какие-то душевные муки, – наверное, потому, что она редко улыбалась. Жером же знал, что Таня была способна регулярно радоваться. Он полагал, что мало у кого дела с эмоциями обстоят лучше, чем у Тани. Например, ее младшая сестра Сара, которая училась в Потсдаме на сценаристку, страдала от депрессий. Однажды Таня сказала, что родившиеся в 1988 году особенно подвержены психическим заболеваниям, мол, среди всех родившихся в восьмидесятые и девяностые они лидируют по количеству рецептов на антидепрес-

санты. Но в конкретной семье Арнхайм дела обстояли так, что у Тани, родившейся в восемьдесят восьмом, обычно всё было хорошо, а Сара, родившаяся в девяносто втором, без медицинской помощи оказывалась на грани суицида. Когда Таня назвала это *статистическим курьезом*, Жером сначала не знал, что ответить. Некоторое время спустя он сказал: «Ты же не виновата в том, что Сара много грустит».

Многие дома в Майнтале выглядели так, будто их проектировали ученики начальных классов: равносторонние треугольники, увенчивающие оштукатуренные фасады, а внутри супруги, воспитывающие детей. Большинство частных домов, даже с потемневшей от времени черепицей на крыше, в городке построили за последние сорок-шестьдесят лет, – в принципе, это был новый мир. Но ничто в нем не казалось новым. Жером находил это одновременно и гнетущим, и очаровательным. В Майнтале не было ни прорыва в будущее, ни реставрации старины. Вероятно, основное желание людей сводилось к тому, чтобы им не мешали, и Жером хорошо понимал это желание – хотя для него оно было далеко не на первом месте.

Он припарковал арендованную машину у ворот родительского дома. Это было бунгало 1978 года с обширным подземным этажом – нетипичная постройка для Майнтала. Угольно-черные стены и плоская крыша выгодно выбивались из общего стиля. В возрасте двадцати девяти лет Жером начал

идентифицировать себя с этим домом, находящимся на границе природного заказника Хартиг. То, что он продолжал называть его *родительским домом*, Жером списывал на свое смиренное мировоззрение, но какую-то роль тут явно играло и чувство стыда. Сейчас бунгало формально принадлежало ему, пусть оно и строилось не по его проекту и не на его деньги. Отец Жерома переехал обратно во Франкфурт, в маленькую квартирку с видом на Железный мост⁵, а его мать, родившаяся и выросшая в Кембридже (УК), последние три года жила в Лиссабоне, где Жером уже навестил ее пять раз. Изначально родители хотели продать это бунгало, которое они считали каким-то *«недоразумением нашего среднего возраста»*. Отец скорее риторически спросил Жерома, не хочет ли тот жить здесь, но Жером тогда, в первый день Рождества 2016 года, неожиданно ответил: «А почему бы и нет?»

Таня и Жером любили вспоминать вечер, когда они впервые встретились. Они оба считали, что это довольно необычно – начать отношения со случайного секса, а ведь их приключение в гостинице Fleming's на площади Эшенхаймер-Тор сначала казалось именно таковым. Первый показ веб-сериала по «Паноптикуму 2.0», целиком снятого на телефоны Samsung S7, состоялся во Франкфурте, в баре AMP, прямо напротив гигантского символа евро на площади Вилли Брандта. В зале было больше мужчин, чем женщин, на

⁵ Железный мост (Der Eiserne Steg) – мост в центре Франкфурта-на-Майне через реку Майн.

некоторых даже в конце лета 2017 года всё еще были идеально ухоженные хипстерские бороды и темная одежда. Жером, который никогда не носил бороды, сидел в последнем ряду. Таня ему сразу понравилась, но он не стал задавать вопросов из зала. Он познакомился с ней после показа, когда Таня возле диджейского пульта пила минералку вместе с модераторкой вечера, преподавательницей из университета дизайна в Оффенбахе, с которой Жером был знаком через друзей. Жером сказал, что ему очень понравилась презентация четырехсерийного мини-сериала, не впадая в излишнюю экзальтированность.

Они остались в баре AMP до закрытия, потом пошли в Terminus Spiritus⁶, там они уже начали целоваться, а после двух больших стаканов сидра с минералкой решили не бояться неловкой первой ночи, а руководствоваться, так сказать, холодным рассудком. Они взяли такси и поехали к Тани в гостиницу. Секс в удивительно душном номере был не особенно хорош, но чувствовалось, что однажды он станет хорошим, он нес в себе обещание, как подумал Жером, то есть в принципе это был хороший секс.

Пока Таня утром, проспав всего четыре часа, мыла голо-

⁶ Имеется в виду известный бар Terminus Klause в привокзальном районе Франкфурта-на-Майне. Существует с 1994 года, закрылся в мае 2018-го из-за повышения цен на аренду. Закрытие сопровождалось кампанией в поддержку бара под девизом «Je suis Terminus Klause». В 2019 году бар открылся снова на новом месте, но в том же квартале.

ву в стеклянной душевой кабине с полупрозрачным логотипом Fleming's на стекле, которая оригинально располагалась посреди комнаты, Жером деликатно сидел на краю кровати спиной к ней и копался в телефоне. Вечером она написала ему из Мюнхена, что «во всей Баварии явно нет ни одного человека, готового на приключения». А Жером написал в ответ, что ужин с отцом прошел на удивление гармонично. Он не выспался и в таком состоянии был терпеливее, чем обычно. Жером почти не задумывался, отправляя сообщения Тане, просто писал ей короткие сообщения одно за другим, так естественно и одновременно волнительно, и он почувствовал, что это начало чего-то нового.

Когда Таня в прошлый раз гостила у него в Майнтале, они первым делом занялись сексом, а потом в вечерних сумерках съездили в Tegut⁷ и пожарили соевые стейки. Может быть, Таня и в этот раз ожидала повторения тех же действий, как своего рода традиции, но Жером уже купил всё, что нужно. «Эспрессо или вино?» – спросил он, и они сначала выпили по чашке эспрессо, а потом по несколько бокалов кремана; в Tegut этот креман был вторым по бюджетности. Они сидели рука об руку на угольно-черном диване дома у Жерома в Южном Гессене. Жером не стал бы утверждать, что это идеальная ситуация, он даже не чувствовал, что сидит у себя дома на своем диване, но ему было хорошо. «На завтра обе-

⁷ Tegut – сеть супермаркетов.

щают дождь», – сказала Таня, глядя в телефон. Это как будто удивило ее. Жером тоже предполагал, что им гарантирована солнечная и теплая Страстная пятница. Когда он проводил время с Таней, всегда стояла бомбически хорошая погода. Она спросила, смогут ли они в течение дня поработать над ее сайтом. Еще на втором свидании, которое началось на вокзале в Ганновере перед киоском-закусочной «Колбасный базар» и продолжилось в пивном баре у южного выхода с вокзала, где они оба пропустили свои последние поезда, – еще тогда они решили, что Жером сделает для Тани сайт – `tanja-arnheim.space`, а заодно решили стать парой. Сайт Тани, программирование и дизайн Жерома Даймлера, неизбежно превратился в некий *love commitment*⁸. «Вместо работы над сайтом мы можем завтра сходить в галерею „Schirn“, а потом в кино», – предложил Жером. Таня сразу согласилась: «Да, давай». В глубине души она боялась своего будущего сайта, Жером точно это знал. С какими оттенками, формами и жестами она идентифицирует себя весной 2018 года? Эти концептуальные вопросы вызывали у нее серьезные затруднения. Поэтому Жером давно решил, что сделает сайт сам и предъявит Тане готовый проект 30 апреля, в день ее тридцатилетия. Подарок, как в старые добрые времена, – первый собственный сайт. Жером интенсивно трудился над ним.

«А в твоём новом тексте будут персонажи из „Паноптикума“? У тебя уже есть ключевой вопрос? Или какой-то те-

⁸ Love commitment (англ.) – любовное обязательство.

матический центр?» Когда закончилась первая бутылка кремана, Жером почувствовал себя так, будто берет интервью у своей подруги; по его представлениям, ей это должно было нравиться, ведь его интерес был искренним, он спрашивал ее как любовник и как поклонник. Он пошел на кухню, достал из шкафчика чистые бокалы, положил в них лед, налил клюквенный сок и водку Sky, а Таня в это время сказала: «Думаю, никогда нельзя слишком четко определять свою тему». И после короткой паузы: «Персонажи похожие, но всё-таки новые. Они мне кажутся более религиозными».

Персонажи «Паноптикума 2.0», все сплошь мужчины, были эмоционально неустойчивы, иногда они страдали от каких-то зажимов с отсылкой к родителям. Перенос внимания с психологии на религию показался Жерому правильным шагом. Ему виделось в этом больше свободы. Когда ты занимаешься своей психикой, ты часто оказываешься беззащитен перед ее реальностью, а свою религиозность можно, в принципе, сконструировать. Жером в тринадцать лет отказался посещать уроки подготовки к конфирмации, но до сих пор платил церковный налог. В сочельник 2017 года, когда мама навестила его в Майнтале, они вместе сходили в церковь на рождественское богослужение. Это было спонтанное решение: они захотели посмотреть на церемонию просто потому, что ни Жером, ни его мать никогда раньше ее не видели. Когда они зашли в церковь, свободные места были только на балконе в левом нефе. Сверху было видно заполнен-

ное людьми пространство церкви. Жером отправил Тане короткое видео, а Таня, гостившая у родителей в Киле, сразу ответила: «Симпатичная церковь». Жерома удивило свободное, расслабленное поведение посетительниц и посетителей службы, хотя чему удивляться, если раньше он бывал в церквях только в связи с похоронами. Всего было пять траурных церемоний: две его бабушки, Грета и Мэри, отец школьного друга Марка, однокурсница из Дюссельдорфа Юдит и его крестный Фальк. После третьих похорон Жером решил выйти из числа членов церкви, потому что христианский ритуал вместо утешения вызывал чувство отчуждения. Но комментарий отца о том, что церковь активно занимается благотворительностью, удержал его от выхода.

Теперь, со стаканом напитка клюквенного цвета в руке, Жером рассказывал: «Во время богослужения одна девочка-флейтистка часто ошибалась во время своего соло. Это было довольно смешно. Но вместо того чтобы смеяться, все прихожане испытывали стыд. И сострадание. Кажется, в тот момент я понял протестантскую религию: мы внимательно слушаем незамысловатую игру на флейте, надеемся, что никто не опозорится, и испытываем сострадание, когда ученица недостаточно занималась, потому что знаем, что эта неудача надолго останется с ней. Это протестантизм».

Таня улыбнулась: «Тебя в последнее время очень занимают твои корни». Она просто констатировала, но Жером всё равно ощутил упрек.

«Да, сорри... ты права. Я часто говорю об этом».

«Жером, котик. – Таня потянула за свободные рукава его рубашки. – Я ничего такого не имела в виду. Это так мило, когда ты рассказываешь одно и то же несколько раз».

Когда Жером закрыл глаза, чтобы поцеловать Таню, у него слегка закружилась голова. «У тебя тоже голова кружится?» – спросил он. «Со страшной силой», – засмеялась Таня. «Тебе плохо?» – «Нет». – «Мне тоже нет».

Потом у них был немного пафосный секс на диване, пронизанный уверенностью в том, что они делают что-то безусловно хорошее для духа и тела. Жером даже на мгновение поверил в то, что они своим половым актом улучшают энергетику всей планеты Земля. Он двигался как-то угловато, Таня выдвигалась ему навстречу в каком-то новом для него ритме. Когда они кончили – сначала Жером, а вскоре и Таня, – он невольно рассмеялся, вспомнив свои мысли об энергетике планеты. Первым порывом Жерома было рассказать Тане о своей энергетической теории, но он всё же решил, что не надо всё сразу забалтывать. Лучше спокойно продолжить наблюдение за их совместным сексом и за планетой Земля. Таня поцеловала его в левый висок и вдруг тоже засмеялась. Они вместе встали с дивана, отошли на семь шагов и в некотором оцепенении упали на матрас Жерома шириной один метр сорок сантиметров. Они спали спина к спине.

2

Неделя после Пасхи выдалась солнечной и теплой. Во вторник вечером Таня вернулась в свою двухкомнатную квартиру, с балкона которой она могла смотреть на парк Хазенхайде. Если бы у нее были такие же депрессивные наклонности, как у ее сестры Сары, то атмосфера на улицах могла бы нагнать на нее тоску. Первые теплые дни года в большом городе означали потенциальный стресс. В Берлине ты обязан хорошо и максимально публично проводить время. Наверное, думала Таня, многим понаехавшим нужны годы, чтобы решиться в первые теплые дни взять и поработать где-то в тени, вместо того чтобы сидеть перед магазином и пить шампанское. Тане тоже понадобилось время, чтобы принять тот факт, что в конечном счете ей мало просто тусить на улице и нравиться другим людям. Для нее оказалось важнее создавать продукт, который нравится максимально строгой публике. Это не обязательно должны быть тексты, это может быть одежда или видео-арт, думала иногда Таня. Но в реальности она всегда только писала: это давалось ей легко, и она чувствовала себя лучше, когда писала регулярно.

Задним числом Таня считала полезным спор с Жеромом из-за «Назови меня своим именем», который произошел у них вечером Страстной пятницы. Этот спор показал, что они оба по-прежнему опираются на свои мысли и принципы,

что они не зависят друг от друга в своих мнениях. В кино-театре «Метрополис» на площади Эшенхаймер-Тор они сидели в двойном кресле, без подлокотника посередине, иногда держась за руки, но, несмотря на это, они совсем по-разному восприняли «Назови меня своим именем». Жером увлекся внешней красотой фильма и его мира, как и большинство тех, кто рассказывал Тане про этот фильм о гомо-эротической летней любви подростка и аспиранта в Италии восьмидесятых годов, а сама Таня почувствовала отторжение. «Назови меня своим именем» показался ей ужасно буржуазным. Она тоже не осталась равнодушной к напряжению между главными героями, но ее раздражало, что фильм исподволь внушал, что счастье, толерантность и гуманизм возможны только на основе зажиточности и элитного образования. Когда на обратном пути, в «Тесле», Жером сказал, что фильм, возможно, триггернул ее тем, что она сама была конвенционально красивой дочерью hi-end-образованных родителей, но она должна как минимум признать идеальный стиль фильма, Таня вышла из себя. Она закричала, что Жером должен принять тот факт, что фильм ей не зашел. А когда Жером собрался что-то возразить, Таня сказала: «А теперь заткнись-ка, Жером». Остаток пути они молчали.

У Тани случались приступы агрессии. Лучше всех это знали ее мать и сестра. Если не считать Макса, ее бывшего, то мало кто из неродственников заподозрил бы в ней холерические эксцессы. Таню Арнхайд считали либо витающей в

облаках, либо холодной, либо высокомерной, но никогда – агрессивной.

Поскольку для Жерома было важно выглядеть в собственных глазах человеком, не склонным к злопамятности, они быстро помирились. Когда Жером открыл дверь в бунгало, а Таня нарушила молчание («Жером, извини»), он на мгновение застыл, посмотрел ей в глаза, а затем позволил ей крепко обнять себя.

Пятого апреля уже запахло настоящим летом. После восьми с половиной часов сна Таня пришла с банкой Red Bull без сахара в парк Хазенхайде и села неподалеку от долгостроя – индуистского храма, много месяцев стоявшего в лесах. Только верхушку храма пестро раскрасили. Тане нравилось думать, что по соседству с ней скоро будут храмы всех религий. Все свои знания об индуизме она получила еще в девятом классе кильской гимназии: перерождения вверх-вниз между разными кастами и жизнеформами, множество богов, обладающих чертами и животных, и людей. В принципе, довольно симпатично. Может быть, индуизм – это неплохой вариант если не для Тани, которая даже йогу не любила, то для кого-то из ее знакомых.

Амели написала сообщение, что у нее похмелье и она собирается пойти в City Chicken на Зонненаллее, но Таня только что позавтракала дома. Просто составить компанию Амели не получилось бы: Амели была выше ста восьмидесяти

сантиметров и не из худых, она ни за что не стала бы есть в обществе человека, который сам ничего не ест. Таня и Амели научились любить довольно сомнительные качества друг друга; трения возникали постоянно, но между ними никогда не вспыхивало. Амели часто употребляла слово «пролечилась», когда говорила о себе, потому что за последние восемь лет три разных психотерапевта отмечали достигнутый ею значительный прогресс. Таня знала, что Амели до сих пор находится под грузом психического стресса, зато теперь она вроде бы знает причины этого стресса, – это уже немало. Раз в две-три недели Таня и Амели встречались в воскресенье около часа дня, пили «Негрони» и шли на дискотеку, которая работала целый день. Они много говорили и концентрировались друг на друге, поэтому другие посетители дискотеки почти не обращали на них внимания: возникал некий кокон, в котором Таня и Амели иногда чертовски хорошо проводили время.

По дороге в City Chicken Амели зашла в парк Хазенхайде. На ней было темное платье, которое шло ей: оно выглядело вневременным и непринужденным. Амели в принципе мало следила за модой, только кроссовки у нее всегда были последней модели. Накануне вечером Амели была в баре Heiners, а потом в открывшемся после ремонта «Медвежьем углу». Для Тани это отдавало ужасной головной болью и чересчур задушевыми разговорами. Вообще-то для Амели было нехарактерно отправляться в загул по барам в сере-

дине недели. Таня спросила, какой был повод, и Амели ответила: «Янис». Таня познакомилась с Янисом, у которого была запоминающаяся татуировка на предплечье, в обществе Амели в январе на вечеринке лейбла Trade. Еще больше, чем на мужчинах, Таню бесили татуировки на женщинах, кроме случаев, когда вообще всё тело было разрисовано. Таня могла понять, когда кто-то решал стать *сплошь татуированным человеком*, как Джастин Бибер, но не одобряла, когда кто-то просто хотел татуировку. Таня хотела быть толерантнее в вопросах стиля, но не могла ничего поделать со своими реакциями.

Амели рассказала, что на Страстной неделе она два раза спала с Янисом и что она не уверена, что не влюбилась. Но вчера в «Медвежьем углу» Янис признался ей, что давно сохнет по Тане. Амели процитировала Яниса, немного понизив голос: «Не собирался рассказывать, но это мучает меня... как бы дело не дошло до ядерного коллапса». Амели особенно отметила, что он употребил слова «ядерный коллапс» в полпятого утра в «Медвежьем углу». Она расстроилась, была в шоке, на какое-то время потеряла дар речи. «Потом я сказала ему, что ты терпеть не можешь татуировок и что у тебя есть друг. Думаю, он быстро пожалел, что рассказал. Потом он извинялся, но я уже ушла». При этих словах у нее потекли слезы. Таня сидела рядом с ней на траве, с пустой банкой Red Bull без сахара в руке, и пыталась придумать реплику, которая была бы и не бессмысленной, и не обидной.

Таня знала, что Янис практически после каждого похода в клуб мог привести домой девушку, он был достаточно высокий, с хорошей фигурой, приятным голосом, ровными зубами и, насколько было известно Тане, писал докторскую диссертацию на феминистскую тему. Кроме того, Таня не удивилась бы, если бы под его нормкорными шмотками оказалось сплошь татуированное тело. Он вполне мог оказаться и фанатом «Паноптикума 2.0». Таня хотела сменить тему, но всё же сказала: «Дай ему время, несколько дней. Для тебя это несложно. Он должен что-то сделать. Это его проблема. А ты попробуй расслабиться». Амели кивнула, но вид у нее был очень грустный. «Ладно, пойду поем», – сказала она. «Давай», – ответила Таня. Они встали и обнялись. Таня хотела еще спросить, что с их планом пойти в выходные на вечеринку Cocktail d'Amore, но момент показался ей неподходящим. Амели уже отошла на несколько шагов, обернулась и сказала: «Я напишу по поводу Cocktail d'Amore». Таня ответила: «Отлично».

У Тани и Жерома не было четких правил обмена информацией. Они рассказывали друг другу что попало, обычно в длинных сообщениях с айфонов, изредка писали имейлы. Личные, сумбурные имейлы, которые отправляешь, не перечитывая, нравились Тане больше всех других текстовых форматов. После того как в 2015 году последние из ее друзей перешли на смартфоны, имейлы стали быстро вытесняться

облачками куда более небрежно сформулированного текста в различных мессенджерах. Тем больше Таня ценила, что нашла в лице Жерома достойного партнера по обмену имейлами. Казалось, что Жером в своих длинных письмах, которые он писал примерно раз в неделю, нашел замену дневнику, которого никогда не вел, и у него всегда получалось интересно. Он часто рассказывал что-то про друзей, с которыми Таня даже не была знакома; теоретически он мог просто выдумать этих персонажей, но она доверяла ему и была уверена, что он тоже доверял ей. В своих имейлах они рассказывали друг другу правду, пусть и не всю. О причинах любовных страданий Амели Таня пока предпочла умолчать.

В выходные Жером прислал селфи, снятое во время пробежки. На снимке он был с белой спортивной повязкой на голове, на заднем плане виднелись ветряки и безоблачное небо. К фотке он приписал: «300 % Joy». Тане понравилось сообщение. Фотография была тщеславная и нетщеславная одновременно, потому что Жером с потным и покрасневшим лицом выглядел старше, чем обычно, зато ракурс был подобран выгодный – слева и снизу, что подчеркивало его характерную линию подбородка, а выражение лица было по-хорошему дурашливым. По Жерому было видно, что он получает удовольствие от бега, а даже люди намного старше Жерома могут выглядеть привлекательно, когда излучают удовольствие.

Сидя за письменным столом, Таня вдруг посмотрела на Жерома не как на мужчину, с которым спала и говорила почти обо всём на свете, а как на мужчину из Гессена тридцати с чем-то лет, который любит фотографировать себя в хорошем настроении во время занятий спортом. Она сравнила его с мужчинами, которых встречала во время пробного периода в фитнес-клубе Holmes Place на Херманплац. Там многие выглядели хорошо, зачастую даже аристократично, что отчасти было связано с тем, что Holmes Place – дорогой клуб. Жером отличался бы там в хорошую сторону тем, что его тщеславие лежало совсем в иной плоскости. Он нравился себе, но его цель была не в том, чтобы выполнить какой-то фитнес-норматив. В итоге Таня не купила абонемент в Holmes Place. Вместо этого она в мае 2017 года заново открыла для себя бадминтон; она играла в бадминтон еще в кильской гимназии; в этой игре она могла безопасно выплескивать достаточный объем агрессии.

«Дорогая Таня, Амели говорила с тобой? Ты не могла бы передать ей, что я очень сожалею? И что я прошу написать мне? Она меня заблокировала. Янис».

Таня не знала, откуда у него ее номер. Наверняка не от Амели; возможно, от ее бывшего парня, Макса. Макс всегда запросто делился ее контактами, чтобы продемонстрировать, что личная жизнь Тани его больше не касается. Таня еще ни разу в жизни не блокировала ничей номер, она ни-

когда не удаляла имейлы и сообщения с неприятным содержанием и сама никогда не формулировала обвинения, Таня никогда не видела нужды в том, чтобы поставить пафосную жирную точку, она этим гордилась. Вместо того чтобы сразу ответить Янису, она написала сообщение Амели, что оказалось не самым умным решением. Потому что Амели утверждала, что вовсе не заблокировала номер Яниса. Затем был звонок от Амели, который Таня назвала истерическим, хотя когда-то твердо решила не применять концепцию истерии к женщинам, потому что это всегда кажется дешевым ходом. Однако писательские успехи создали у нее впечатление, что слова, первыми приходящие ей в голову, обычно оказываются удачными и верными. Таня посчитала, что и на этот раз может довериться интуиции при выборе слов. Амели очень обиделась на упрек в истеричности.

В очереди на вечеринку Cocktail d'Amore Таня стояла в бадминтонных кроссовках декатлоновской марки Artengo. Она была на сто процентов уверена, что в этой очереди, воскресным днем состоявшей примерно из четырехсот человек, она была единственным человеком в бадминтонных кроссовках. Они будто светились красно-оранжевым светом и создавали впечатление, что в них ноги потеют сильнее, чем в аналогичных кроссовках для залов более солидных брендов, но всё было наоборот. Еще на Тане были серые льняные штаны и такая же серая мужская рубашка, а под ней спортивный

лифчик на случай, если на танцполе захочется снять рубашку. Лук с полностью обнаженным торсом, который становился всё более популярным и среди девушек на берлинских рейвах похожего типа, она считала не подходящим к своему амплу, в отличие от спортивного лифчика и бадминтонных кроссовок, с которыми она себя прекрасно идентифицировала. В очереди вокруг нее стояли в основном мужчины с короткими темными волосами, некоторые с макияжем. Таня нанесла на свои волосы столько геля, что они плотно прилегали к голове и влажно блестели. После сорока минут стояния в очереди охранник на входе спросил Таню, бывала ли она здесь ранее, имея в виду вечеринки Cocktail d'Amore, а не клуб «Мельница». Таня ответила: «Да, три или четыре месяца назад» – хотя точно знала, что была тут три месяца назад, – и при этом без всякого выражения посмотрела в лицо охраннику. Тот немного помедлил и пропустил ее дальше – на личный досмотр и уплату пятнадцати евро. В первом же баре внутри она купила себе колу-лайт, чтобы принять остаток таблетки, который хранился у нее в носке в прозрачном пакетике. Половину этой бордовой таблетки с логотипом бренда одежды The North Face она употребила полтора месяца назад и с тех пор хранила остаток в холодильнике. По данным сайта saferparty.ch, в таблетке содержалось сто пятьдесят пять миллиграммов МДМА, и оставшейся половины Тане должно было идеально хватить для кайфа. Экстази не стоит принимать слишком часто. Эффект экстази нра-

вился Тане больше любых других наркотиков, но начиная с двадцати семи лет она становилась всё чувствительнее к последствиям и была согласна на них только четыре-шесть раз в год, вероятно с тенденцией сокращения этого числа в будущем. На сегодня она анонсировала Жерому, который в Оффенбахе планировал одновременно проделать такой же эксперимент с кетамином, протокол кайфа. С тех пор как они стали парой, они делились друг с другом своим психоделическим опытом хотя бы на уровне сообщений. Таня даже не пошла в туалет, чтобы принять таблетку, и написала: «Приняла за стойкой. 14 часов 14 минут. Приятное безразличие. Тепло soon».

В отличие от летних вечеринок Cocktail d'Amore, снаружи, на территории клуба, пока не было музыки, но уже много более или менее обнаженных мужчин устроились на солнце, чтобы более или менее открыто заняться сексом. Таня придерживалась мнения, что вторую половину десятых годов в Берлине будут вспоминать как период, когда секс-вечеринки вдруг стали мейнстримом. Мероприятия с публичными минетами посещала отнюдь не узкая прослойка. Каждые выходные тысячи людей отправлялись на такие вечеринки. Таня не стала бы утверждать, что она в восторге от такой тенденции, но в целом она одобряла, что люди могут реализовать свое желание публичного секса во всё большем количестве мест; впрочем, она предполагала, что значительная доля посетителей дискотек вовсе не имеет потребности об-

нажаться перед толпой посторонних.

По дороге в туалет она встретила свою сестру. У Сары были расширенные зрачки и мокрый от пота лоб, она шла на встречу Тане в компании двух парней в черных майках и с серебряными цепями на шеях, наверное ее однокурсников по киношколе. Объятие с поцелуем в щеку, как обычно между сестрами, но всё же Таня ощутила повышенную дозу приязни со стороны Сары. Сара торопливо представила своих спутников: Тим и Якоб, и по тому, как те неожиданно официально пожали Тане руку, Таня сделала вывод, что они уже слышали про нее, знаменитую старшую сестру. Таня и Сара договорились встретиться снаружи у бара около пятнадцати часов и выпить там негазированной воды. В очереди в туалет Таня думала о том, беспокоит ли ее на самом деле то, что депрессивная сестра принимает наркотики, и если да, то что же за двойная мораль тогда получается. Антидепрессанты и молли⁹ – не лучшее сочетание, насколько знала Таня, с другой стороны, с ее познаниями в нейрологии не стоило особо выступать. Таня обычно объясняла свой дискомфорт *ингибиторами обратного захвата*, которые у нее ассоциировались как раз с антидепрессантами. Таня взглянула на телефон. Жером прислал только эмодзи в солнечных очках, Таня была немного разочарована. Она собралась было воспользоваться временем в туалетной очереди, чтобы погуглить на-

⁹ Молли – другое название экстази.

счет сочетаемости препаратов, но у нее заканчивался трафик и интернет в «Мельнице» ловился слабо. Было еще далеко до той эпохи, про которую все говорили так, будто мы в ней уже живем. Таня прочитала несколько сообщений, пришедших за последние дни. Большинство из них ей понравились. Все люди, с которыми она общалась, нашли для своих сообщений хороший, уверенный тон. Даже ее мама научилась писать довольно подробные текстовые сообщения и всё чаще отказывалась от формального обращения «Дорогая моя дочь Таня». Таня гордилась своей мамой, которая работала в Киле психотерапевткой, а мама гордилась ею. Отец Тани, врач общей практики родом из Бремена, по словам мамы, тоже гордился своей дочерью, но явно был не способен показать это. Воспоминание об отце взволновало Таню, он не может иначе, подумала она, он не такой красноречивый, как остальные Арнхаймы, но не менее классный. Таня решила позвонить отцу в ближайшие дни и уже начала предвкушать неловкое начало разговора. В «Паноптикуме 2.0» главный герой, Лиам, говорит: «Ты либо станешь очень похожим на родителей, либо сойдешь с ума. А если у тебя родители сумасшедшие, то можно совместить». Таня уже в трех интервью оправдывалась за это место, но сейчас мысль снова показалась ей свежей. Может быть, Сара всегда слишком активно боролась со своими ролевыми моделями, возможно, в этом и была вся проблема. Но есть ли тут вообще какая-то проблема? В коридоре у туалетов было довольно тепло. Ко-

гда дверь перед Таней открылась и оттуда вышла смешанная группа из пяти человек – две девушки, трое парней, Таня почувствовала себя просто прекрасно. Она с улыбкой кивнула всем вышедшим из туалета и обернулась к очереди из женщин и мужчин, стоящих за ней. Таня вдруг захотела предложить кому-нибудь пройти в туалет перед собой, потому что ей было не так уж срочно нужно, но сразу поняла, что, во-первых, после десятиминутного ожидания такое предложение прозвучало бы довольно дебильно, а во-вторых, что ее только что хорошенько накрыло. Сыграл свою роль скромный завтрак, и половинка North Face зажгла раньше, чем Таня ожидала. Таня зашла в кабинку, будто внесенная туда волной пены, и закрыла за собой дверь. Она тщательно обложила стульчак бумажными полотенцами и села. Она никуда не спешила, она невольно улыбалась, при мочеиспускании она закрыла глаза, ей было хорошо.

Сообщение Жерому: «Встретила Сару, кайфанула. Приятная ватная прогулка в туалетном тумане. Слишком много

мужчин. Miss you». И спустя несколько минут: «Miss U

Miss U Miss U... ». Жером написал, что его встреча с Бруно и Юлианом отменилась, у Юлиана заболела дочь, так что в данный момент Жером не гуляет под кетамином по набережной Майна в Оффенбахе, а сидит дома и программирует, несмотря на потоки солнечного света из окна. Но ее

протокол кайфа он будет читать с удовольствием, пусть и с некоторой завистью. Таня написала, что Жерому нужно хотя бы выпить сидра за работой – «из солидарности с твоей подружкой-наркоманкой, которая тусит у станции метро „Зонненаллее“». Жером ответил: «Слово „солидарность“ ты используешь только под экстази. Каждый раз».

Таня, вся в поту, стояла на танцполе, она посмотрела на телефон, увидела слово «*солидарность*» и поняла, что Жером прав. Она любит его, да, по-настоящему любит его, именно это ей захотелось сейчас написать ему, но она удержала себя. Они были в слишком разных ситуациях. Она стояла под басами, а он смотрел из окна на природу. А еще экстази было для Жерома чем-то ностальгическим. Он часто рассказывал Тане о своем э-периоде с 2009-го по 2012 год, о том времени, которое он оставил позади, но навсегда запомнил, как и лето 2001 года, когда он только что получил водительские права, поехал с лучшими друзьями на Атлантическое побережье Франции и жил там в палатке.

В «Мельнице» произошло то же, что происходило всегда, когда Таня смотрела на танцполе в телефон: люди вокруг своими взглядами и жестами начали призывать наслаждаться моментом, убрать телефон, но они ничего не понимали. Им было невдомек, что для Тани именно этот момент был самым лучшим: смотреть под кайфом на окно в мир, общаться с тем, кого любишь больше всего, тем способом, которым владеешь лучше всего. Было просто чудесно иметь телефон,

было чудесно общаться с людьми, которых любишь. Таня к этому моменту уже повязала рубашку на бедра и танцевала в спортивном лифчике. Она поднимала руки и закрывала глаза. Она не выпускала из рук свой телефон.

«Сара, меня вштырило!» Эта простая фраза как по волшебству заставила просиять лицо ее сестры. «А ты как? Выпьешь со мной?» Сара ничего не отвечала, она почему-то медлила, но Таня уже заказала две водки. Вообще-то, она собиралась провести это время без алкоголя, но мысль о жгучем послевкусии от крепкого алкоголя наполнила ее такой огромной радостью, что было бы глупо лишать себя такого события. Рост Сары был всего один метр шестьдесят девять сантиметров, на четыре сантиметра меньше, чем у Тани, но сегодня это не было заметно, потому что на Саре были сапоги на каблуках, а на Тани – плоские бадминтонные кроссовки Artengo. И вот сестры встали рядом и чокнулись рюмками с водкой, переполняемые теплом, которое напомнило Тани о том волшебном моменте, когда она впервые попробовала экстази. Она была почти готова поверить, что кайф, охвативший ее сейчас, точно такой же, как в первый раз, но это было слишком маловероятно.

«У меня новый терапевт, – сказала Сара, – примерно мой ровесник и наполовину индус. Довольно приятный». – «И как часто ты к нему ходишь?» – «Два раза в неделю... Это гораздо прикольнее, чем групповая терапия». – «Наверня-

ка!» – громко ответила Таня. В этот момент она была на тысячу процентов уверена, что групповая терапия – чушь. Сара знала мнение старшей сестры и сказала, что сейчас, пожалуй, не лучший момент для обсуждения ее прогресса в терапии, а Таня подумала, что в среднесрочной перспективе они вряд ли смогут хорошо обсудить эти вещи. Их последний общий приход был четыре года назад, незадолго до того, как Таня опубликовала «Паноптикум 2.0», и еще до того, как Сара поступила учиться на сценаристку в киноакадемию «Бабельсберг». В тот раз они под сильным приходом от молли говорили в подвале гамбургского клуба «Голем» о родителях и сошлись во мнении, что родителям надо было развестись пятнадцать лет назад, чего те не сделали, вероятно, из-за них, а потом, прежде чем вернуться на танцпол, обе выразили надежду, что родители хоть в какой-то степени счастливы. На этот раз Таня и Сара упустили подобный момент истины и близости. Сара тусовалась в «Мельнице» с пяти утра и уже начала уставать, а Таня как раз приближалась к пику и даже задумывалась, не купить ли ей еще у кого-нибудь. Сара ушла с вечеринки в 16:30. Потом примерно раз в двадцать минут кто-нибудь спрашивал Таню, давно ли она на вечеринке либо не хочет ли она дунуть, и Таня, соответственно, отвечала про время или отказывалась. Несмотря на прекрасное настроение, она давала односложные ответы и сразу продолжала танцевать с закрытыми глазами или писать сообщения Жерому. Когда около двадцати

двух часов перед ней возник Янис в белой футболке с надписью «Vetements» на груди, что для Тани явилось скорее минусом, она отреагировала уже не столь односложно. Она вспомнила, как в клубе «Ом»¹⁰ они с Янисом однажды очень интересно обсуждали «Хорошее время» братьев Сафди; Таня считала этот фильм лучшим в 2017 году. Янису фильм тоже нравился, и он посоветовал Тане предыдущий фильм дуета братьев-режиссеров, который, впрочем, понравился Тане гораздо меньше. Теперь, на Cocktail d'Amore, Янис вел себя с напускной робостью и изо всех сил изображал заботу об Амели. «Довольно неловко, что мы тут с тобой встретились. Я серьезно накосячил с Амели...» Его волосы были длиннее, чем в январе, он расчесал их на прямой пробор, это смотрелось одновременно абсурдно и привлекательно. Таня попыталась не подавать виду, что знает об интересе Яниса к ней. Она стояла рядом с Янисом, будучи под кайфом, в спортивном лифчике, и не видела в ситуации никаких неприятных сторон. «Амели жестко запала на тебя, – сказала она, – будь поосторожнее с ней. Думаю, еще не всё потеряно». Янис выглядел свежее и трезвее большинства посетителей вечеринки. «Надеюсь, что так», – ответил он и посмотрел Тане в глаза. Когда она снова взглянула на его футболку, он произнес: «Не бойся, это футболка за десять евро. Фейковая шелкография из Бранденбурга». Он не улыбался,

¹⁰ «Ом» (ОНМ) – техно-клуб в центре Берлина, расположенный в здании бывшей ТЭЦ.

когда говорил это. Таня почувствовала себя разоблаченной. «Что ты принимала?» – спросил Янис. «Э», – ответила Таня. Янис улыбнулся: «Тебе идет. Ты более открытая, чем обычно. Почти душевная». Это было уже довольно нахально. «А ты что принял?» – спросила Таня. «Ничего. Будешь догоняться?» Тане хотелось, но она покачала головой. «Подожду, пока кайф пройдет, и пойду домой». Янис кивнул: «Отличный план. Хорошо тебе провести вечер». И исчез в направлении туалетов.

Последнее сообщение от Жерома Таня получила в 1:14. Отправляясь спать, он написал: «Enjoy, baby. Сейчас увижу тебя во сне». В такси в 2:15 Таня продолжала пребывать в состоянии блаженства. Она рассматривала свое лицо в зеркале заднего вида и констатировала, что выглядит под наркотиками лучше, чем сестра. Может быть, она была осторожнее с дозировкой, или ей благоприятствовало то, что, в отличие от Сары, она не страдала от нарушений обмена веществ или депрессии. Сейчас, сидя на заднем сиденье такси, Таня не сомневалась, что ей повезло со многими вещами. Дома она легко заснет после честного физического утомления, ей ничего не приснится, и после пробуждения она начнет свой приятно нераспланированный понедельник. Может быть, сходит в закусочную, поболтает по телефону, напишет сообщения. «Хорошо повеселились?» – спросил таксист. «Да, отлично», – ответила Таня и, выходя, оставила ему два евро чаевых. Вялой и демотивированной она станет не раньше

вторника, а в среду уж наверняка. Таня решила позитивно смотреть на все свои состояния.

На Ханауском шоссе Жером открыл окна «Теслы», и его стал овеивать самый теплый воздух этого года. Он сделал радио погромче. На станции You FM играл хит Рианны «Kiss It Better» 2016 года, показавшийся Жерому на удивление незатертым. Ему захотелось подпеть и снять себя на видео. Его лицо, освещенное ярким весенним солнцем, темпераментный вокал Рианны в качестве саундтрека, проплывающие за окном бензоколонки, автомагазины, фастфуды, – наверное, Жером не сдержал бы смеха, снимая такое. Но ни один из многочисленных светофоров не встретил его красным, поэтому ему так и не представилось возможности спокойно вытащить телефон из кармана штанов. Было жаль несостоявшегося видео, оно наверняка повеселило бы Таню, но Жером не расстроился. Транспортный поток, почти летний воздух.

С чувством открытости миру он проехал мимо проката электромобилей «Йенни Кёлер». Он воспользовался springtime week deal, удивительно удобным тарифом, а после обеда с отцом он обязательно пропылесосит машину, чтобы при возврате снова произвести положительное впечатление. Он не собирался покупать себе машину, и его отец, который долго работал инженером, а ближе к семидесяти вернулся к тем идеалам, что были у него в двадцать, одобрял такую позицию. Отец Жерома считал автоиндустрию одной из са-

мых проблемных индустрий, а Жером во время их последнего разговора отметил, что считает проблемными все индустрии, о которых ему удалось составить впечатление: модную, художественную, музыкальную... Отец Жерома, полное имя которого было Юрген Каспер Даймлер, ответил на это, что разделяет фаталистический взгляд Жерома на современную экономическую систему, но всё же считает, что нужно видеть разницу, мол, в поп-музыке наверняка расходуется меньше ресурсов, чем в автомобилестроении, а в завершение темы он сказал: «В любом случае похвально, что ты не покупаешь машину. Этим ты не вредишь планете».

На этот раз двое последних представителей рода Даймлеров встретились в ресторане гребного клуба «Боруссия». Юрген Каспер, носивший одежду исключительно темных тонов, совершил двадцатипятиминутную прогулку от своей квартиры в центре до заведения и встретил Жерома, выбравшегося из арендованной машины, ослепительной улыбкой. Жером надел новый белый овершот из джинсовой ткани, который, как он надеялся, понравится отцу. Юрген Каспер часто хвалил Жерома за оригинальные кроссовки или куртки необычного фасона, хотя сам не носил ничего подобного. Они обнялись, трижды похлопали друг друга по спине и сами же посмеялись над этим трехкратным похлопыванием.

«Боруссия» располагалась прямо на берегу Майна, здесь имелась терраса, было уже достаточно тепло, чтобы сидеть снаружи. Юрген Каспер, с недавних пор стригший совсем

коротко свои всё ещё очень густые волосы, уже восемь лет был вегетарианцем, он заказал пасту с рикоттой, Жером взял филе ягненка. Жером был уверен, что у него первая группа крови, потому что люди с первой группой вроде бы очень любят мясо, но он никогда не проверял свою группу крови. Когда отец спросил про Таню, он рассказал, что Пасха прошла замечательно, довольно спокойно, музеи и кино, без особых загулов. О загулах родившихся после 1980 года у отца могли быть только смутные представления, но, кажется, это его не очень-то и интересовало. Как житель Франкфурта, он рано узнал о техно, в конце восьмидесятых ему было около сорока, но сейчас среди знакомых Юргена Каспера не было никого, кто ходил бы в те времена в «Омен» или в «Дориана Грея»¹¹. У Жерома сложилось впечатление, что отец никогда не смотрел свысока на следующие поколения, для него была характерна скорее разумная меланхолия. Жером ценил в людях способность к меланхолии. К ностальгии он был намного критичнее. Жером считал, что меланхолия относится к левому политическому флангу, а ностальгия – к правому. В проявлениях меланхолии он видел признание собственной слабости и потребности в защите, в то время как ностальгия представляла собой самовлюбленное воспевание некоего прошлого, которого никогда не было. Впрочем, Жером пока ни с кем не делился этой мыслью: она не казалась ему

¹¹ «Омен» (Omen) и «Дориан Грей» (Dorian Gray) – легендарные франкфуртские техно-клубы 1980–1990-х годов.

достаточно надежной. Юргена Каспера уже несколько месяцев занимала тема онлайн-свиданий. Он разбирался в ней явно лучше, чем сын, несмотря на тридцать шесть лет разницы; у Жерома совсем не было опыта в этой области, не считая трехнедельной пробной регистрации на сайте Okcupid в 2015 году. Ему всегда хватало флирта в обычной жизни, а знакомства в интернете казались чем-то то ли для детей, то ли для пенсионеров. У Жерома даже появилось ощущение, что он – часть очень узкого поколения, состоящего почти что из него одного: у этого поколения профили на «Фейсбуке», приложения для знакомств и спекуляция криптовалютой вызвали так же мало эмоций, как ХДС¹². Когда Жером проходил тестирование политических предпочтений, то совсем не совпадал с ХДС, но он не испытывал ненависти к этой партии. Вполне вероятно, что его отец, который пользовался «Фейсбуком» и слишком рано продал свои биткойны, тоже никогда не голосовал за ХДС, хотя Жером не мог утверждать этого наверняка. Уверен он был в том, что отец никогда не был ему неприятен. Таня недавно рассказывала про стыд, который она испытывала, когда папа возил ее и трех лучших ее подруг на машине по Килю на четырнадцатый и пятнадцатый дни ее рождения, Жерому же, в отличие от нее, вспоминались только хорошие моменты в машине отца. Ко-

¹² ХДС (Христианско-демократический союз, Christlich Demokratische Union, CDU) – либерально-консервативная политическая партия, на момент действия романа правящая партия в Германии. Многолетний канцлер Германии Ангела Меркель – представительница ХДС.

гда Юрген Каспер за рулем своего Volvo V70 на колоритном гессенском диалекте рассказывал байки о суровых мужиках, друзья Жерома на заднем сиденье ржали без остановки. Сейчас этот смех звучал у Жерома в памяти как истерический гогот. Потом друзья вылезали из машины с красными лицами, и эти моменты в «вольво» обычно оставались самыми веселыми на дне рождения. Иногда Жером думал, что отец не воспринимает себя слишком всерьез и благодаря этому обладает особым юмором – позитивным и располагающим к себе. Наверное, такой юмор может появиться только у того, кто после рождения ребенка отказался от части себя.

Портал, через который Юрген Каспер сейчас устраивал свои свидания в центре Франкфурта, назывался Sunset-069¹³, и Жером восхитился таким гениальным названием. На этом сайте мужчины могли писать только тем женщинам, которые сами написали им первыми. Эта функция была призвана облегчить жизнь тем мужчинам, которые робели даже в сети, и защитить привлекательных женщин от вала сообщений. Жером считал эту систему, которую Sunset-069 позаимствовал у международной дейтинг-овой платформы Vumble, вполне разумной. «Я познакомился с Беатой, она живет в Боккенхайме, а работает в гимназии имени Шиллера в Заксенхаузене. Без детей, без заморочек».

Вегетарианская паста уже стояла на столе, когда отец Жерома поделился этой информацией.

¹³ 069 – телефонный код Франкфурта-на-Майне.

«Насколько моложе?»

«Вроде бы на двенадцать лет».

«Ну, это нормально, – сказал Жером, – обычная разница».

Отец рассмеялся. «Она собирается еще два года работать на полную ставку, а потом перейти на неполный рабочий день. Она довольно спортивная».

«Йога?»

«Пилатес! И велосипед».

Жером знал, что отец не любит кататься на велосипеде. Он помнил их совместные поездки в начале девяностых из Майнталя в Брухкёбель или в Хаммерсбах, во время которых отец непрерывно сыпал проклятиями. «Ты теперь тоже будешь кататься на велосипеде?» – спросил Жером.

Отец покачал головой: «Ни за что. Я же пловец. А вот пилатес – почему бы и нет. Беата говорит, что у этих упражнений не только укрепляющий, но и психогигиенический эффект».

«Она так и сказала – психогигиенический?»

Отец помедлил. «Может быть, это уже я сам додумал... Она сказала, что у нее улучшается настроение, когда она тянется и концентрируется на дыхании».

Жером посмотрел на отца.

«И давно вы вместе?»

«Четыре с половиной недели».

«Каждый день общаетесь?»

«Как ни странно, да».

В завершение обеда они поделили пополам десерт дня, тирамису, и выпили по эспрессо. Потом Жером отвез отца к врачу: нужно было забрать результаты обязательного профилактического обследования. Юрген Каспер прошел его без особого энтузиазма, потому что считал раннюю диагностику рака уловкой фарминдустрии. Перед тем как выйти из машины, отец похвалил «Теслу» за бесшумность и пообещал, что скоро позвонит. Жером отъехал, когда отец скрылся за дверью клиники.

На данный момент Жером видел будущий сайт Тани как *подвижный архив*. Никаких библиофильских претензий на полноту, никаких списков публикаций, никакой стандартной биографии, никаких цитат из прессы. Отзывы прессы на сайтах, претендующих на красивый дизайн, Жером считал анахронизмом. Он записал: «Меняющиеся короткие тексты, пятисекундные видео, фотогалереи». Сайт Тани должен казаться в равной мере и вещью в себе, и привлекательной игрушкой. Для заполнения текстовых блоков, которые Таня будет регулярно обновлять, Жером взял фрагменты из «Паноптикума 2.0», которые ему до сих пор нравились. Анимированная заставка, добавленная им сегодня, – автограф Тани, выводимый по-детски большими буквами, который Жером снял на видео после ее выступления в Берлине, – создавала впечатление, что Таня Арнхайм, открывая свой сайт не очень-то элегантно подписью, относится к себе не слишком

серьезно. Жером задался вопросом, смогла бы Таня действительно посмеяться над собой; он поднял глаза от ноутбука, посмотрел на заказник за окном и решил: да! Таня еще как посмеялась бы над собой, легче, чем над кем-то другим, потому что она была фанаткой себя, – Жером считал это совершенно правильным. Сколько женщин из числа его любовниц были главными врагами самим себе? Трое точно, а может быть, и пятеро, хотя о большинстве случайных партнерш он не знал, в каких отношениях те были с самими собой.

Мысль о том, что ни одна женщина никогда не понравится ему больше Тани Арнхайм, неизменно восхищала его. В четвертый раз в жизни он чувствовал тотальный crush, конечно, это был повтор уже знакомых эмоций, но в новых условиях. В двадцать лет Жером был влюблен в Юлиану, дюссельдорфскую однокурсницу, которая так и осталась недоступной, а когда через пять лет она вдруг стала очень доступной, Жером уже потерял к ней интерес. Жерома по-настоящему привлекали в основном такие девушки, которые упорно любили его, несмотря на то что сами были в отношениях, – только из глубинного страха перед изменениями, как предполагал Жером. Он начинал романы, которые рано или поздно заканчивались решением не в его пользу, а в пользу старых отношений. После третьего повтора этой схемы Жером придумал теорию, согласно которой над Европой висит энергетическое поле любовных связей, в котором каждому участнику выпадает определенная задача. Задача Жерома в этом

энергетическом поле явно заключалась в том, чтобы спасти отношения в других парах, демонстрируя иллюзорность надежд на новую жизнь рядом с более либеральным партнером. Косвенным образом он даже поспособствовал бракам Надин и Лауры К., а также постоянным отношениям Лауры В. Оглядываясь назад, он понимал, что эти женщины, которые в конечном счете хотели жить так же, как жили их родители, всё равно не подошли бы ему.

Весну 2017 года Жером считал моментом своего духовного перерождения. После переезда в родительское бунгало он начал воспринимать успехи своей внешней личности всего лишь как бонус, тогда как настоящее счастье должно основываться на личности внутренней. Начав так относиться к себе, Жером смог часто чувствовать себя независимым. Другим он сейчас говорил об «удивительно хорошем этапе с Таней», как если бы этот этап был ограничен во времени, подобно всем прочим историям за последние пятнадцать лет. Жером старался не питать чересчур больших надежд, не планировать слишком далеко и больше прислушиваться к голосу своей внутренней личности, хотя она часто говорила ему всего два слова, а именно: Таня Арнхайм. Знакомство с Таней было подарком судьбы, но и время до встречи с ней Жерому тоже нравилось. Он был не прочь воспринимать себя как такого харизматика, которым часто увлекаются девушки, хотя их любовь и непродолжительна. От двух отказов он страдал довольно долго, с тремя или четырьмя девушками он боль-

ше не стал бы спать, некоторых он, как ему сейчас казалось, обманывал, внушая им ложные надежды, как минимум Лену и Изабеллу сильно обидел, но это было в период, который теперь, оглядываясь назад, Жером в целом считал мрачным. После отказа Лауры К. – в пользу нервного и явно бездарного алкаша Кристиана – Жером испытал обиду, и на протяжении 2011 года он постарался компенсировать эту обиду максимальным количеством партнерш. Он побрил затылок и спокойно осознал свою привлекательность. Он стал чаще улыбаться и на вечеринках активно вел себя с женщинами, чего не делал ни до, ни после. В тот период он не старался близко познакомиться с кем-то, и даже ночи редко доставляли радость, потому что сексу обычно не хватало напряжения. Тем не менее его внешняя личность до сих пор немного гордилась этим периодом, потому что иметь множество партнерш в те времена, еще до массового распространения приложений для знакомств, было не таким уж простым делом. Кроме того, 2011 год ясно показал ему, как легко может самоутвердиться мужчина ростом один метр девяносто один сантиметр с достаточно хорошо подвешенным языком. Сегодня внутренняя личность Жерома радовалась всем случайным связям, которые не состоялись в 2011 году.

Но когда он задумывался о том, какой из несостоявшихся романов всё же лег камнем на душу, то первой вспоминал Марлен Зайдль. Марлен училась в параллельном классе начальной школы, и в последующие двадцать пять лет они вре-

мя от времени попадались на пути друг друга, хотя и чрезвычайно редко. Марлен училась в разных городах по разным специальностям и в конце концов, насколько было известно Жерому, закончила экономический факультет. Ключевая их встреча произошла, пожалуй, в мае 2009-го в Гамбурге, в районе Шанценфиртель, вечером четверга в баре «Зал 2». Марлен и Жером в тот раз даже не поздоровались, но не было никаких сомнений, что они нравились друг другу. Наверное, это могли заметить и другие посетители «Зала 2», настолько это было очевидно, но это притяжение, которое чувствовалось и годом раньше, на концерте Crystal Castles во Франкфурте, смешивалось с какой-то неловкой интимностью из-за того, что они были знакомы с начальной школы. Как будто это было запретное влечение или, наоборот, что-то ужасно консервативное. Тогда, в «Зале 2», Жером и Марлен несколько раз пристально посмотрели друг другу в глаза через несколько столиков, но так и не поговорили. Разговор состоялся только в 2012 году, на выступлении Рикардо Вильялобоса в клубе «Роберт Джонсон»¹⁴ в Оффенбахе. Жерому было немного неловко, что он оказался на той вечеринке: во франкфуртском регионе на Рикардо Вильялобоса в то время собиралась в основном деревенская публика, а с ней Жером не любил тусоваться, потому что из-за странного решения родителей купить бунгало в Майнтале он сам как бы

¹⁴ «Роберт Джонсон» («Robert Johnson») – культовый техно-клуб в Оффенбахе, существует с 1999 года.

превратился в провинциала. Выступление Вильялобоса пришлось на конец его э-фазы, то есть Жером был под кайфом, хотя этот кайф уже давно не казался ему волшебным. Однако это состояние помогло ему заговорить с Марлен Зайдль. «Эй, мы же знакомы, я Жером...» Марлен тоже была под кайфом, по крайней мере Жерому так показалось, она отреагировала ужасно позитивно, вскоре они оба уже вспоминали, как виделись в Гамбурге. Жером точно помнил, когда именно: три года и два месяца назад, и только Марлен хотела что-то ответить, как к очереди перед баром подошел ее спутник. Это явно был ее бойфренд. Марлен представила Жерома как *приятеля из начальной школы*, ее друг был немного напряжен, и короткий разговор быстро увял. Чуть позже Марлен с другом ушли из клуба. Жером до десяти утра раскачивался в толпе. Похожая встреча случилась в сентябре 2016-го: они увидели друг друга издали на парковке супермаркета Rewe в Майнтале, Марлен была с мамой. Жером торопился, они не поздоровались. Его друг Бруно, который тоже был на концерте Рикардо Вильялобоса и всё знал о вспыхивающей раз в несколько лет страсти Жерома к женщине из начальной школы, несколько раз видел ее в районе франкфуртского вокзала. Вроде бы она жила там с другом в собственной квартире, а работала бизнес-консультантом. Но когда Жером вспоминал Марлен Зайдль, он представлял себе не тридцатипятилетнюю жительницу Франкфурта с денежной работой, а двадцатилетнюю студентку, сидящую в гамбургском баре

с коктейлем и блуждающим взором. Как в марте 2009-го.

Проведя примерно три с половиной часа за ноутбуком, в течение которых он протестировал четыре разных слайдера для фотогалереи сайта, предварительно определился со структурой и раз сорок посмотрел видео с автографом Тани, Жером устал и решил выйти на свежий воздух. Он всё чаще испытывал потребность подвигаться. Иногда он даже подумывал взять, помимо основной работы веб-дизайнера, какую-нибудь подработку с физической нагрузкой. Он полагал, что сможет дольше получать удовольствие от основной работы, если будет время от времени работать, например, садовником или официантом в какой-нибудь сидрерии. Профессиональные садовники наверняка отреагировали бы скептически, если бы интеллеktуал Жером Даймлер попытался устроиться в их фирму на частичную занятость. Но та чистая радость, которую Жером будет испытывать от непривычного дела, наверняка впечатлит его новых коллег. Жером проявит к другим садовникам эмпатию и заинтересованность, они будут вести интересные разговоры, и тот единственный день недели, когда Жером будет там подрабатывать, станет прекрасным днем для всех.

Впрочем, такой спорадический труд сложно организовать на реальных предприятиях, – с точки зрения Жерома, еще один аргумент против существующей экономической системы. Гораздо больше людей должны делать больше разных дел, полагал он, государство могло бы распределять годо-

вые подряды на непривычную работу, чтобы каждый гражданин получил возможность познавать себя в регулярно меняющихся сферах деятельности, соприкасаясь в процессе работы со всеми слоями общества. Свежие импульсы до самого пожилого возраста, непрерывное обучение, равная оплата труда для всех, четыре выходных. Кто хочет разбогатеть, пусть пользуется длинными выходными, чтобы получать бонусы в карьере, остальные будут самореализовываться в частной сфере – в отношениях, искусстве, компьютерных играх, спорте. Жером долго слушал свой внутренний монолог и решил рассказать Тане о своей идее в следующем имейле.

Часы на церкви пробили три раза, что означало шестнадцать часов сорок пять минут, три четверти пятого, и не было никаких сомнений в том, что вокруг пахло весной. Жером отправился в сторону кафе-мороженого в нижнем конце главной улицы, вымощенной брусчаткой. Там продавались и пирожные их собственного изготовления, например чизкейк «Нью-Йорк», но Жером заказал только черный чай и сел к окну, он был единственным посетителем. Ровно в семнадцать часов позвонил отец. Жером спросил: «Ты получил результаты?» И ответ отца ровным голосом: «Да». – «И?..» – «Врач сказал, что для семидесяти лет все показатели удивительно хороши. Оценил мой биологический возраст в пятьдесят пять. Я здоров».

4

ОТПРАВИТЕЛЬ: Таня Арнхайм

ТЕМА: – 09.04.2018, 22:43

Жером, котик, думаю, твое государство сделало бы нас всех лучше. Но я должна признаться, что не хочу заниматься никакой другой работой, кроме той, которой занимаюсь. Моя социализация воспитала во мне слишком много индивидуализма. К тому же опыт показывает, что я могу быть полезной другим только тогда, когда занимаюсь любимым делом. Я бы ни за что не хотела работать в сфере обслуживания. Или в театре. Или в супермаркете. На самом деле я вообще не хочу работать. Сегодня я сильнее обычного ощущаю внутреннюю пустоту, это беспокойство и усталость одновременно. Мне кажется, что всё должно произойти прямо сейчас, и в то же время я не хочу, чтобы что-то происходило. Нервы оголены. Я знала, что так будет. День второй после половинки North Face и трех маленьких добавок.

#

Всё в порядке. С нетерпением жду момента, когда я снова смогу испытывать радость. Наверное, завтра утром проснусь и смогу. А вечером буду играть в бадминтон в TiV. После бадминтона уж точно смогу смеяться и веселиться.

#

Сейчас в Берлине есть одна тенденция, которая мне не нравится. Молодежь снова стремится к прочным отношениям. Был короткий период, когда смартфоны открыли шлюз к постоянно возобновляющимся бабочкам в животе, но он, кажется, закончился. В результате многие стали еще прагматичнее. Люди боятся. От мегаполисов больше нечего ждать. Особенно сейчас.

#

Мне кажется, в последнее время мы пишем друг другу слишком мало имейлов! Письма тебе дают мне даже больше, чем давал дневник (надеюсь, ты понимаешь, что это мегакомплимент).

#

В воскресенье я подумала, что мой новый текст должен быть о счастье. Например, я могла бы написать, как мы с тобой проводим несколько недель в Гонконге. А потом мы действительно поехали бы в Гонконг, чтобы сравнить мой текст с реальностью. Мне в голову пришел заголовок: «Гонконг: текст о счастье».

#

Пробовала позвонить Саре, но не дозвонилась. Наверняка ей гораздо хуже, чем мне. Или мое ужасное сегодняшнее состояние для нее норма. В прошлом году она как-то сказала, что время для нее мучительно тянется, что она всегда старается быть с людьми, потому что в компании ей проще взять себя в руки и не плакать. Мне, конечно, не так плохо. Наверное, я и не смогла бы кайфануть так высоко, чтобы упасть так глубоко. Таким счастливым людям, как мы, полезно для общего развития познакомиться с ужасами, которые бывают от химических наркотиков, ты согласен? Они могут дать нам хотя бы примерное представление о том, что чувствуют люди с клиническим дефицитом серотонина. Испытать этот ужас означает проявить эмпатию и солидарность (обрати внимание: я использую это слово не применительно к кайфу). Сейчас напишу Саре. Она мне ответит, напишет, что всё в порядке. А завтра я буду бодра и счастлива.

#

Как твои дела? Когда ты познакомишься с крашем твоего отца?

Целую!

ОТПРАВИТЕЛЬ: Жером Даймлер

ТЕМА: RE: – 10.04.2018, 21:10

Есть новости от Сары? Думаю, не стоит слишком

сильно переживать. У нее наверняка есть достаточно стратегий на крайний случай, если положение совсем обострится.

Кстати, а нет ли у вас в семье предрасположенности к клинической депрессии? Я знаю, ты не любишь такие вопросы, я тоже, но я был бы неискренен сам с собой, если бы не спросил. Я, например, чувствую себя довольно защищенным в том, что касается генетического материала. По словам родителей, у моей бабушки по отцовской линии были депрессивные тенденции, родители говорят: «периоды», причем почти всегда в августе. Тут я могу ее понять. Меня тоже угнетает конец лета. Может быть, мне даже понадобится твоя поддержка. Можно поехать в конце лета в отпуск.

Бабушка жила в довольно темной двухкомнатной квартире в Эшерсхайме (ФНМ). Кажется, я только однажды гостил у нее в тот момент, когда у нее проявились проблемы с психикой. Я был в том возрасте, когда дети самым дурацким образом подражают родителям, мне было примерно двенадцать. Я рассказал бабушке, что в следующие выходные по телевизору не будет «Дисней-клуба», и обычно она делала вид, что ей интересно всё, что я рассказываю, но тогда она была в депрессии и отреагировала совсем по-другому: «Зачем ты мне это рассказываешь? Какое мне дело?» Для меня это был настоящий шок. Когда она почувствовала себя лучше, то снова стала милой. Эти ее «периоды» не были

долгими. Самое позднее в октябре она приходила в себя и приглашала меня на угощение. Кажется, сейчас в Берлине у всех более устойчивые депрессии, чем были у тех, кто пережил Мировую войну.

Папа мне пока не предлагал встретиться с Беттиной. Наверное, мне стоит самому настоять и предложить, чтобы и ты тоже пришла. Двойное свидание. LAUGHING OUT LOUD! А тебе не кажется подозрительным, что у меня такие прекрасные отношения с родителями? С папой у меня практически

броманс Мама тоже в последнее время рассказывает по телефону удивительно много личного. Я сам не знаю, в какой момент всё так наладилось. В 25 было уже примерно так. Потом, ближе к 30, я дистанцировался от них и изображал перед самим собой пати-бунт с коксом и экстази. Но с тех пор как родители не работают, у нас в отношениях тишь да гладь. Никаких больше перерезаний пуповины = разговоры на равных = мы все пожилые люди! ROLLING ON THE FLOOR LAUGHING.

Тебе через две недели исполняется 30. А ты готова к стабилизации отношений с родителями?

Черт – я так хотел бы тебя сейчас. Ж.

ОТПРАВИТЕЛЬ: Таня Арнхайд

ТЕМА: Пятница, 13-е 11.04.2018, 11:21

Сара утверждает, что на этой неделе у нее всё

удивительно хорошо. Она пишет: «Nail to the¹⁵
взаимодействие!»

#

Семейная предрасположенность... Let's not talk
about it! Не хочется даже наводить справки.

#

Последние два года я больше думала о предстоящем
тридцатилетии, чем сейчас. Кажется, я додумала эту
мысль до конца. А результат такой же, как и перед
любым днем рождения. Нужно как-то эстетизировать
новый возраст. А когда исполняется тридцать, то
придется, вероятно, эстетизировать целое десятилетие.
Это довольно интересная задача. Представь себе, у тебя
впереди твои тридцатые годы и ты уверен в том, что не
хочешь детей. What a playground!

#

Какого числа ты приедешь? Miss you!

ОТПРАВИТЕЛЬ: Жером Даймлер

ТЕМА: 27 апреля! 11.04.2018, 11:38

ОТПРАВИТЕЛЬ: Таня Арнхайм

¹⁵ «Да здравствует...» (англ.)

ТЕМА: RE: 27 апреля! 11.04.2018, 11:40

Отлично.

ОТПРАВИТЕЛЬ: Жером Даймлер

ТЕМА: RE: 27 апреля! 11.04.2018, 11:46

Подругу моего отца зовут Беата. Не Беттина. Я вчера перепутал.

KissKISS!

Подлетая с некоторым опозданием к Вене, Таня смотрела из самолета на городские дома. Она уже давно решила, что не будет восхищаться Веной. Она никогда не поддерживала разговоры об эстетической оси между Берлином и Веной, начавшиеся где-то в 2015 году. Однажды она сказала Аме-ли: «Не стоит одному европейскому мегаполису умножать свою самовлюбленность на самовлюбленность другого европейского мегаполиса». Но когда шасси самолета EasyJet коснулись австрийской земли, Таня пребывала в хорошем настроении. Необязательно любить город, чтобы хорошо провести в нем время. Разве она когда-то любила Берлин? Полет, несмотря на небольшое опоздание, прошел хорошо, намного лучше, чем все предыдущие полеты на Ryanair. Она заказала у милых стюардесс ролл с курицей и кока-колу без сахара – и то и другое было очень вкусно.

Из-за задержки рейса Венский литературный дом оплатил ей такси до места проведения мероприятия, так что не прошло и полутора часов после приземления, как Таня сидела в желтом свете прожекторов перед стеллажом с книгами и держала в руках новенький экземпляр «Паноптикума 2.0» в мягкой обложке. Ее часто раздражало, что многие авторки и авторы на своих выступлениях читают из собственных древних экземпляров в твердом переплете, а самое

гадкое – еще и с разноцветными стикерами в излюбленных местах. Авторки и авторы, похожие на задротистых отличниц и отличников, преобладали. Но их антиподов и антагонисток, читавших со смартфонов, Таня считала такими же позер(к)ами. Лучший вариант – издание в мягкой обложке, новое для каждого третьего выступления.

Публика состояла из студенчества, предположительно с гуманитарных факультетов, а также пенсионеров и пенсионеров, предположительно из благополучных слоев общества. Эта публика напоминала Тане, с одной стороны, о собственных родителях, а с другой – о первых годах ее студенчества, когда многие ее однокурсницы старались казаться взрослыми и серьезными. Среди публики не было никого, кто сейчас мог бы принадлежать к кругу ее друзей, но нужно было признать, что все слушательницы и слушатели полностью соответствовали своей роли. Таня рассказала, что для нее самой книга уже несколько раз кардинально менялась под влиянием реакции публики и что у нее сохранились лишь смутные воспоминания о процессе написания. «Понятия не имею, что я чувствовала, когда писала пятую главу, которую я сейчас читаю». Она даже не помнит, где она ее писала. После короткой паузы Таня добавила: «Кажется, в Киле». Литературный дом не предоставил никого для модерации, так что Тане пришлось самой вести вечер, и, вопреки ожиданиям, не было никаких проблем. Ей нравилось читать здесь, потому что микрофон был хорошо настроен и пото-

му что она не знала пятую главу почти наизусть, как, например, первую. После пятой главы Таня прочитала половину шестой, потом рассказала о веб-сериале по роману, упомянув, что его можно посмотреть на Vimeo. Публика вела себя тихо. Это была тишина сосредоточенности, предполагала Таня. На кураже под конец она спонтанно прочитала целиком четырнадцатую главу. В ней почти отчаявшийся Лиам сидит в гостинной родителей и не может произнести ни слова, а родители ничего не знают о его зловключениях в виртуальной реальности и не понимают, почему он так подавлен. Родители ведут себя так, будто всё нормально, и тогда Лиам тоже решает, что в конечном счете всё нормально.

Таня точно вписалась в запланированные шестьдесят минут, после чего прозвучали теплые аплодисменты. Только две девушки – вероятно, студентки, мечтающие стать авторками, – ушли с выступления до его завершения. Таня подписала девять книг и ответила на пять вопросов. Два вопроса касались достоверности ее персонажей: знает ли она реальных молодых мужчин, которые ведут себя как герои ее прозы, один пожилой господин поинтересовался, пробовала ли она писать для театра, а одна пожилая дама, как будто с тревогой за Таню, спросила, пишет ли Таня хоть когда-нибудь истории, в которых *просто напрямую* говорит то, что *на самом деле* думает. Пожилая дама разозлила Таню. Но она ответила правду: «Вообще-то, я всегда пишу только то, что думаю».

За несколько дней до выступления в интервью для венской радиостанции FM4 Таня заявила, что ей всё более отвратительны гетеросексуальные пары. Она сознательно выбрала слово «*отвратительны*», хотя понимала, что оно слишком резкое. На самом деле она не испытывала отвращения, когда видела вещи, считающиеся нормальными: у нее было слишком счастливое детство. Но всё равно было ужасно приятно сказать на радио, что от самодовольных гетеропар нельзя ждать никакого прогресса. «Множество государств поддерживает долгосрочные союзы мужчин и женщин, – как это понимать?» В том же интервью она не стала скрывать, что была в довольно классических отношениях с несколькими мужчинами. «Фактически я живу по модели, которую идейно отвергаю. Думаю, это нормально. Нужно уметь наслаждаться такими противоречиями». Интервьюер оставил большинство ее ответов без комментариев, ничего не уточнял, как будто его совсем не интересовало то, что говорит Таня. После выступления в Венском литературном доме молодой читатель попросил расписаться на его «Паноптикуме 2.0» в мягкой обложке и сказал с почти карикатурным венским акцентом: «Мне тоже отвратительны мои отношения. Вчера мы с моей девушкой смотрели телевизор рука об руку. Мне этого не очень-то хотелось, но пришлось, потому что это как будто наш долг». Таня улыбнулась. Мужчина был ей симпатичен. Он прибавил: «К тому же она бе-

ременна. После твоего интервью мне стыдно, что я чувствовал себя счастливым из-за этого». При этих словах с его лица сошла принужденная улыбка. Таня написала в его экземпляре «Паноптикума 2.0» слово «*пардон*» и поставила свою подпись печатными буквами. Когда читатель уже развернулся к выходу, она сказала: «Не относись так серьезно ко всему, что я говорю».

В своей работе писательницы Таня всегда старалась оставлять личные эмоции, касающиеся любви, за рамками творчества. Ее цель заключалась в том, чтобы обмануть ожидания широкой публики, которая думала получить от фотогеничной женщины моложе тридцати искренние признания о любви и сексе. И Тане нравилось, что ее роман о геях в VR-очках всё равно оказался *секси*. В собственной личной жизни она старалась не задаваться вопросом, что у нее сейчас с Тимо/Ларсом/Эрнесто/Максом, – она не хотела быть человеком, постоянно болтающим об отношениях. Таня могла, не покривив душой, утверждать, что то облегчение, которое наступало после краткого периода боли от расставания, каждый раз было для нее ценнее, чем отношения с партнерами. После расставания с Максом в октябре 2016-го она почувствовала себя заново родившейся, она как будто вернулась к себе и была готова обнять свою жизнь самодостаточной авторки. Однажды воскресным вечером Амели сказала, – она в тот момент тоже была одинока и немного под

кайфом, – что Тане, скорее всего, просто не хватает мотивации, чтобы всерьез интересоваться кем-то, кто отличается от нее. Это не значит, что Таня не способна любить, уточнила Амели, но она ищет человека, который был бы максимально похож на нее и при этом мало от нее требовал. Таня увидела в этом мнении 0,0 % оскорбления, напротив, она была уверена в правоте Амели. Сходство было важным фактором, когда в сентябре 2017 года она вышла с Жеромом из Terminus Spiritus и отправилась с ним на такси в отель Fleming's. Жером чем дальше, тем больше казался Тане ее мужским эквивалентом, только чуть постарше.

Руководство Литературного дома пригласило Таню в традиционный венский ресторан: простые деревянные столы, белое вино из стаканов, потрясающие шницели. Может быть, стоило отказаться от приглашения и самой прогуляться по Вене? Руководство Литературного дома показалось Тане симпатичным, а во время еды Таня радовалась тому, что не приходится обсуждать современную литературу. Когда разговор опасно приблизился к этой теме, она начала говорить о последних фильмах, покритиковала «Назови меня своим именем», хотя никто из собравшихся не видел этого фильма, и порекомендовала всем «Хорошее время» с Робертом Паттинсоном. Когда разговор начал увядать, она рассказала о своем новом увлечении – просмотре бадминтона на «Ютьюбе». О том, что птичьи движения суперзвезд из Азии и Да-

нии оказывают на нее удивительно успокаивающее воздействие. Таня упомянула финал турнира Malaysia Masters, в котором играли Виктор Аксельсен и Кента Нисимото, и нарезку лучших моментов Ли Чонг Вея. Беатрикс, шефиня Литературного дома, спросила об отношении Тани к соцсетям – наверное, потому, что Таня за едой иногда проверяла телефон. Беатрикс сказала, что она сама есть в «Твиттере» и иногда страдает от агрессивности среды, но вынуждена приспособливаться. Таня ответила то же, что всегда отвечала на этот вопрос: она скучает по Снэпчату 2015 года, когда функция сториз была еще новой и интересной, но с тех пор все в ее окружении перешли в «Инстаграм». Из «Твиттера» она быстро ушла, решив, что размышления над тем, как написать популярный твит, отберут слишком много времени от размышлений над длинными текстами. Этот аспект всем показался интересным. «Закажем еще вина?» – спросила Беатрикс собравшуюся компанию. Большинство ее поддержало. Тане больше хотелось десерт, и она заказала блины с яблочным джемом, которые назывались тут *палачинкен*.

Таня решила не ехать на такси и пошла в гостиницу пешком по тихому центру Вены. Только теперь она ощутила, как устала за вечер. У Тани сложилось впечатление, что жизнь в Вене явно более расслабленная, чем в Берлине, но она знала, что именно в таких, казалось бы расслабленных, местах она часто становится задумчивой и несчастной. Жером за

целый день ничего не написал. Перед тем как вместе провести выходные, они часто снижали интенсивность переписки – вероятно, чтобы создать напряжение или чтобы отдохнуть от вала сообщений, которыми обменивались, когда не могли видеться. Перед Пасхой Таня сформулировала, что их отношения на расстоянии развиваются циклически и состоят из трех фаз: сначала реализация физической близости во время поездок друг к другу, потом интенсивный диалог на дистанции. И третья фаза – напряженное ожидание следующей намеченной встречи. Каждая фаза имела свой смысл, и до тех пор, пока все три радовали Таню, она могла быть счастлива с Жеромом. И всё же сегодня она порадовалась бы сообщению от него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.